ЯПОНСКАЯ ЛИРИКА.

Переводы **А. Брандта**.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Ю. Н. Эрлихъ (вл. А. Э. Коллинсъ), М. Дворянская 19
1912

Въ составъ слоговъ японскаго языка входитъ либо одна гласная буква, либо согласная и гласная; слогъ всегда оканчивается гласной буквой, а въ словахъ нѣтъ такихъ слоговъ, на которыхъ лежало бы удареніе.

При такихъ условіяхъ въ японскихъ стихотвореніяхъ не можетъ быть ритма. Риѳмы также нѣтъ: постоянное повтореніе риѳмъ, окончивающихся на гласныя буквы, было бы монотонно.

Въ виду отсутствія ритма и риѳмы, способомъ для образованія стихотвореній является счетъ слоговъ въ строкахъ.

Въ стихотвореніяхъ болѣе древняго времени число слоговъ въ строкахъ мѣнялось отъ 3 до 11; позже стали преобладать чередующіяся строки въ 5 и 7 слоговъ.

Основною чертою японской поэзіи является крайняя сжатость изложенія; наиболѣе краткой формой стихотворенія въ болѣе древнее время была «ката-ута», состоящая изъ трехъ строкъ, изъ коихъ въ первой строкѣ 5 слоговъ, а во второй и третьей по 7 слоговъ.

Изъ двухъ ката-утъ составляется такъ называемая «седока.» Еще длиннѣе «нага-ута». Однако, всѣ эти формы примѣняются рѣдко, такъ какъ съ конца 8-го вѣка нашей эры получила рѣшительное преобладаніе «танка» или «ута»,—стихотвореніе изъ 5 строкъ, изъ коихъ въ первой и третьей по 5 слоговъ, а во второй, четвертой и пятой по 7 слоговъ.

Примѣромъ танки можетъ служить слѣдующее стихотвореніе:

Ойраки но
кому то шири себа
надо сашите
наши то котаете
авацарамаши во.

Знай я, что старость
хочетъ меня навѣстить,
я бы заперъ дверь,
сказалъ бы ей: «нѣтъ дома»
и не принялъ бы ее.

Японскій поэтъ долженъ вложить свою поэтическую мысль въ пять строкъ танки.

Какъ японскій художникъ, рисуя одну цвѣтущую вѣтку, успѣваетъ дать представленіе о всей веснѣ, такъ и японскій поэтъ въ короткую танку умѣетъ вложить всю глубину своего чувства и вызвать опредѣленное настроеніе.

Въ Японіи лирика съ давшихъ поръ цѣнилась высоко. Уже въ восьмомъ вѣкѣ нашей эры была издана обширная антологія — Маніошу, составленная изъ 4497 стихотвореній (изъ нихъ 4173 танки), а въ 905 году издана вторая знаменитая антологія — Кокиншу.

Въ десятомъ вѣкѣ было учреждено «вака-докоро», нѣчто въ родѣ главнаго уп-

равленія стихосложенія, со стипендіями для поэтовъ, поэтическими школами и пр. Тогда же получили право гражданства публичныя состязанія, на которыхъ читали свои стихи поэты, собиравшіеся изъ разныхъ мѣстъ Японіи.

Однако, окончательная побѣда танки надъ другими формами стихотвореній была несчастіемъ для японской поэзіи, застывшей въ формализмѣ.

Паденію поэзіи способствовали какъ вака-докоро, издававшее новыя антологіи, такъ тѣ самыя публичныя состязанія, которыя сперва содѣйствовали разцвѣту поэзіи: банальныя темы, задавшіяся на состязаніяхъ императорами и придворными, свели поэзію къ искусству вкладывать банальную мысль въ опредѣленное число слоговъ.

Въ 16-мъ вѣкѣ японская лирика усвоила мало отличающуюся отъ ката-уты форму «хай-кай»; въ ней только три строки, причемъ въ первой и третьей строкѣ 5 слоговъ, а во второй 7 слоговъ.

Примѣрами формы хай-кай могутъ служить слѣдующія стихотворенія поэтовъ Ямозаки Соканъ (1465—1583) и Кикаку (1661—1707):

Не будь москитовъ,
я прелесть лѣтней ночи
цѣнилъ бы выше!

Если бы къ лунѣ
придѣлать ручку—какой-
бы вышелъ вѣеръ!

Въ новѣйшее время замѣчается новый подъемъ японской лирики, причемъ она сохраняетъ старыя формы: новыя формы, заимствованныя изъ европейскихъ литературъ, успѣха не имѣли.

И теперь еще сочиненіе танокъ почитается важнымъ дѣломъ и вмѣстѣ съ тѣмъ элегантнымъ спортомъ; императоръ ежегодно сочиняетъ нѣсколько стихотвореній и досихъ поръ существуютъ вака-докоро и публичныя состязанія поэтовъ.

Очерки японской литературы съ многочисленными примѣрами японскихъ стихотвореній даютъ:

M. Aston, history of japanese literature, 1899; K. Florenz, Geschichte der japanischen Literatur, 2-te Ausgabe, Leipzig 1909 и M. Revon, Anthologie de la litérature japonaise, Paris 1910 (collection Pallas).

Изъ сборниковъ переводовъ японскихъ стихотвореній наиболѣе извѣстны: Chamberlain, japanese poetry, 1911; Bethge, Japanischer Frühling, Leipzig, Inselverlag 1911; K. Florenz, Dichtergrüsse aus dem Osten, 8 Auflage, 1911; P. Enderling, Japanische Novellen und Gedichte, Leipzig 1905 (Reclam's Universalbibliothek).

Русскіе переводы японскихъ стихотвореній имѣются въ маленькой книжкѣ: Ки-

тай и Японія въ ихъ поэзіи, Москва 1905, а также (Позднякова) въ Живописномъ Обозрѣніи и Вѣстникѣ иностранной литературы за 1898 годъ и въ статьѣ Ник. Дубровского въ № 321 газеты «Рѣчь» за 1911 годъ.

Стихотворенія, помѣщенныя въ настоящей книжкѣ, переведены съ нѣмецкаго и французскаго языковъ, и взяты преимущественно изъ сборника Бетге и изъ исторіи японской литературы Флоренца.

Не стремясь сохранить форму стихотвореній, переводчикъ старался сохранить ихъ духъ и ихъ примитивность.

Ни съ чѣмъ ни лучше,
ни вѣрнѣй я не сравню
души Японіи моей, какъ съ
нѣжнымъ запахомъ виш-
неваго цвѣтка при пер-
вомъ поцѣлуѣ утреннихъ
лучей.

Мотоори Норинага (1730—1800).

Дай только солнцу за гору зайти! Къ тебѣ я выйду скоро!

Темной ночью ты подойдешь ко мнѣ, подобный утренней зарѣ, съ улыбкой на сіяющемъ лицѣ, и руки бѣлыя, какъ бѣлые канаты изъ коры Такў, положишь ты на грудь мою.

Другъ къ другу мы прижмемся; лежа, цѣловаться будемъ; руки подложивъ подъ головы взамѣнъ подушекъ, бедра сблизимъ.

Не говори мнѣ о тоскѣ любовной, богъ великій восьми тысячъ копій!

Какъ только солнце за гору зайдетъ, къ тебѣ я выйду!

Неизвѣстнаго автора (древняго времени).

Гора Курагаши́ извѣстна крутизной.
Когда же ты идешь со мной,—она не кажется крутой.

Хайлбуза—Вакэ (4-ое столѣтіе нашей эры).

Пока не ляжетъ бѣлый иней на смоль блестящую моихъ волосъ,—въ теченіе всей моей долгой жизни я ничего не буду дѣлать—только ждать! Да, ждать тебя!

Императрица Ива но Химе (4-ое стол.).

Какъ долго ты нейдешь! Искать-ли мнѣ тебя въ горахъ далекихъ, навстрѣчу-ли бѣжать, иль здѣсь томиться и здѣсь ждать тебя?

Императрица Ива но Химе.

Вы говорите, что я дикій. Пусть!

Зато въ кустахъ всѣ птицы для меня поютъ, зато мнѣ травы всѣ знакомы и цвѣты лужаекъ горныхъ для меня цвѣтутъ, и лѣсъ, шумя, мнѣ свои тайны открываетъ.

Да, я богатъ. Я не завидую придворнымъ въ шелковой одеждѣ. Въ чемъ истинное счастье состоитъ, они не знаютъ!

Мунето (7-ое столѣтіе)

Какъ горестно, когда напрасно ждешь!
Чу,—шорохъ! Это ты идешь.
И вдругъ сталъ ясенъ день и свѣтелъ,
и сердце радостно безъ мѣры.
Напрасна радость—это вѣтеръ игралъ
бамбуковой портьерой.

Принцесса Нукада (2-ая половина 7-го стол.).

Какъ тяжко въ одиночествѣ спать эту ночь!

Она длинна, какъ длинный хвостъ фазана, чей звонкій крикъ доносится ко мнѣ съ горы далекой.

Хитомаро (662—709)

Уныло сыплются цвѣты. Густой туманъ прудъ застилаетъ. Гуси дикіе кричатъ испуганно на озерѣ святомъ Иваре.

Сны мрачные витаютъ надъ моей главой; на сердцѣ тяжесть. Черезъ годъ, когда раздастся снова крикъ гусей, я не услышу ихъ.

Охотсуно Оци (663—687).

(Былъ претендентомъ на престолъ, взятъ въ плѣнъ и казненъ 24-хъ лѣтъ отъ роду. Передъ казнью написалъ это стихотвореніе).

Я бѣлые цвѣты въ саду тебѣ хотѣла показать.

Но снѣгъ пошелъ. Не разобрать, гдѣ снѣгъ и гдѣ цвѣты!

Акахито (8-ое стол.).

Взглянувъ на небо, вижу я вершину горы великой Фузи-ямы.

Торжественно сіяя въ вѣчность, она вздымается еще съ тѣхъ поръ, когда отъ неба суша отдѣлилась.

Когда я на нее гляжу, то кажется, что при сравненьи съ нею блѣдное луны сіянье меркнетъ, и даже солнца яркій блескъ тускнѣетъ.

Облака едва рѣшаются черезъ ея вершину пронестись и снѣгъ съ благоговѣньемъ на нее ложится.

О, Фузи-яма! дни и лѣта, величья твоего не тронувъ, протекутъ, и поколѣнья позднія поэтовъ сіянье твоей славы воспоютъ.

Акахито.

Ко мнѣ всѣ птицы прилетаютъ и на деревьяхъ, у моихъ дверей, клюютъ плоды.
Но почему-же не приходишь ты?

Неизвѣстный авторъ (8-ое столѣтіе).

Когда бы, украшая не одну весну, стояли вишни лѣто все въ цвѣту — цѣнили-бъ меньше мы ихъ красоту.

Акахито.

Скоро конецъ разлукѣ...

Душа уже видитъ во снѣ блестящія крыши Касуги, и домъ на родной сторонѣ, и всякій листъ на деревьяхъ, и на лугу цвѣты, и дальняго лѣса контуры въ серебряномъ свѣтѣ луны.

Абено Накамаро (716—753)
(Былъ долго посланникомъ въ Китаѣ. На возвратномъ пути въ Японію утонулъ при кораблекрушеніи, не увидавъ родины).

Плакучая ракита на могилѣ дѣвы всѣ вѣтви свѣсила на лѣво, гдѣ юноши печальная могила.
Сомнѣнья нѣтъ—его любила дѣва.

Мушимаро (8-ое столѣтіе).

Гляди, какъ мѣсяцъ прорывается изъ тучъ, какъ серебромъ плететъ мерцающія сѣти и разстилаетъ ихъ по морю и по берегу песчаному.

Теперь песчинки заблестѣли, точно мелкіе алмазы.

Г-жа Ишикава. (8-ое столѣтіе).

Вотъ лѣтній вѣтеръ всѣ цвѣты развѣялъ.

Онъ поблѣднѣвшую весну похоронилъ, и сладкій запахъ сливоваго цвѣта лишь шелковый рукавъ мой сохранилъ, какъ сонъ весенній среди лѣта.

Кибино (умеръ въ 775 г.).

Страна Ямато всѣмъ, всѣмъ богата...
Въ ней много горъ. Но съ Кагуямой какъ ихъ сравнить?
Я на вершинѣ стою и гляжу внизъ на поля...
Съ зеленой равнины медленно къ небу дымъ подымается...
Надъ синимъ моремъ бѣлыми крыльями чайка взмахнула...
О, страна Ямато, островъ кузнечиковъ, какъ ты мнѣ милъ!

Якамохи (785 г.)

Изъ родины я изгнанъ и живу уже пять лѣтъ въ странѣ чужой и дикой, лишенный встрѣчъ съ тобой, моя жена.

Ужъ никогда усталую главу я не склоню къ тебѣ на грудь и руки.

Послушай, чѣмъ занялся я, тоскуя!

Посѣялъ я въ саду моемъ гвоздику: когда она цвѣтетъ, я вспоминаю тебя, любимый мой цвѣтокъ.

И вотъ — единственное утѣшенье въ моемъ изгнаніи! Не будь его, не думая разстался-бы я съ жизнью.

Якамохи.

Когда приходитъ вечеръ и туманы уныло стелятся надъ сѣрымъ моремъ, и журавли устало голосятъ, и крикъ ихъ въ темнотѣ печально раздается, тогда я вспоминаю родину мою.

Якамохи.

Прими мои цвѣты! Пусть тебѣ скажетъ каждый лепестокъ сто словъ любви тревожной! Не отвергай моей любви!

Фудживара но Хиротсугу.

Не будь я человѣкомъ — я-бъ желалъ, да, я-бъ желалъ быть винной флягой.

Тогда-бъ никто мнѣ не мѣшалъ по горло наливаться благородной влагой.

Табито.

Тамъ, за рѣкою, милая стоитъ и машетъ мнѣ платкомъ. А я, на этомъ берегу, вздыхаю, безпокоюсь, и въ сердцѣ чувствую тоску.

О, если-бъ лодочка, раскрашенная краснымъ лакомъ, нашлась съ весломъ.

Быстрѣе вѣтра я переплылъ бы рѣку въ ней; я поболталъ-бы съ милой и, счастливый, прижался бы къ ея груди.

Неизвѣстный авторъ, изъ собранія Маніошу (закончено въ 759 г.).

Когда мой милый ночью сломаетъ изгородь и тихо въ окно полѣзетъ — песъ, совѣтую тебѣ, молчи, и насъ не выдай лаемъ!

Чѣмъ отплатить—мы знаемъ!

Неизвѣстный авторъ, изъ собр. Маніошу.

Сколько-бы бѣгъ быстрой рѣки ни встрѣтилъ препятствій, все же всѣ струйки, камни и мели кругомъ обойдя, ликуя сольются.

Неизвѣстный авторъ, изъ собр. Маніошу.

Мнѣ строго запретила мать—спать на твоей груди, мой милый: и вотъ еще намъ надо ждать, чтобъ насъ судьба соединила.

Моя душа чиста, какъ чистая вода глубокаго Кіосмійскаго пруда, и сердце вѣрность сохранитъ,—ждать будетъ терпѣливо, пока придетъ тотъ мигъ счастливый, что насъ съ тобою соединитъ.

Неизвѣстный авторъ, изъ собр. Маніошу.

Къ тебѣ приникла я. Довѣріе мое такъ велико, какъ будто я большому кораблю довѣрилась. И долго, долго дай думать о тебѣ, чтобъ мысль моя тебя, какъ стѣну плющъ, обвила.

О, если-бъ насъ всегда несчастье миновало!

За плечи рукава закинувъ, передъ жертвенною чашей, я обращусь съ мольбой къ богамъ предвѣчнымъ, владѣющимъ землей, чтобы они тебѣ и мнѣ явили милость.

Неизвѣстный авторъ, изъ собр. Маніошу.

Сегодня цѣлый день, съ тѣхъ поръ какъ солнце встало, я горе горевала!

Я знаю, что въ мужицкой хатѣ (жаль, что никто ее не сжегъ) ты съ грязною мужичкой легъ, что ночь всю съ ней проспалъ на старомъ и дырявомъ матѣ, ей щеки гладилъ, цѣловалъ...

Неизвѣстный авторъ, изъ собр. Манiошу.

Что мы другъ друга любимъ, отрицать старался я, и такъ усталъ я лгать, какъ устаешь, на бичевѣ вводя ряды груженыхъ джонокъ въ портъ Нанивы.

Но кумушки болтливы и, все-таки, болтаютъ про тебя.

Неизвѣстный авторъ, изъ собр. Маніошу.

Я жизни не цѣню, но я тебя люблю, и я хотѣлъ бы очень долго жить, чтобъ долго, милая, тебя любить.

Неизвѣстный авторъ, изъ собр. Маніошу.

Съ тѣхъ поръ, какъ я тебя увидѣла во снѣ, я пестрокрылый сонъ считаю чудеснѣйшимъ подаркомъ темной ночи и не хотѣла-бъ спать безъ сновидѣній.

Г-жа Комахи (умерла въ 870 году).

Семья моя горда и требуетъ, чтобъ наше имя осталось незапятнаннымъ какъ черный цвѣтъ моихъ волосъ, не знавшихъ никогда искусственныхъ эссенцій и помадъ.

Г-жа Геніо (815—890).

Ты далеко, и свидѣться съ тобою нѣтъ надежды.

Вотъ почему, отъ слезъ пролитыхъ, рукава моей одежды бываютъ влажны по ночамъ.

Принцъ Нарихира (825—880).

Ну, берегись, пѣтухъ, запѣвшій рано! Ты слишкомъ рано поднялъ насъ съ постели! Какъ только ночь пройдетъ, тебя я брошу въ пасть лисы! Пусть она съѣстъ тебя за то, что слишкомъ рано поднялъ насъ твоимъ несноснымъ пѣньемъ!

Принцъ Нарихира.

Когда я утромъ шла въ кустахъ, на нихъ осенняя роса лежала.

Рукавъ я замочила. Ночью онъ совсѣмъ промокъ отъ слезъ. Я по тебѣ ихъ проливала.

Принцъ Нарихира.

Ты насъ забылъ, невѣрный соловей! мы лѣтній вѣтеръ за тобой пошлемъ. О, прилетай скорѣй! И лѣсъ, и поле — всѣ мы долго ждемъ.

Томонори (845—905).

Спустился вечеръ. Я иду къ рѣкѣ Сао, на берегу подругу ждать.

Что прозвучало въ вечерней мглѣ? Послушай!

То чайки одинокой крикъ: она тоскуетъ, какъ и я, по другу.

Томонори.

Въ цвѣту стояли вишни. Черной гривой взлетали волосы мои, когда я танцовалъ.

Въ цвѣту стояли вишни и блестѣлъ на вѣткахъ свѣжій цвѣтъ. Я посѣдѣлъ.

И съ новою весною тѣ же вишни стоятъ въ цвѣту. Я сѣдъ какъ лунь. Въ раздумьи я стою.

Томонори.

Пришла весна. Подъ золотыми облаками, крича, ужъ машетъ дикій гусь крылами.

Онъ къ сѣверу летитъ. Тамъ ты, о дорогая! Туда и я стремлюсь душой.

О, дикій гусь, возьми меня съ собой!

Охи (9-ое столѣтіе).

Къ плечу приникнувъ твоему, я размышляю: могла-ли бы я жить, если-бъ судьба заставила меня хоть не на долгій срокъ съ тобой, мой дорогой, разстаться.

Г-жа Изе (около 900 г.).

Ты въ горы убѣжалъ отъ шумной тѣсноты долинъ.
А если и въ горахъ тебя настигнетъ черный сплинъ,—куда ты убѣжишь?

Митсуне (859—907).

Осенній вѣтеръ скоро будетъ завывать,
стряхнетъ плоды и листъ съ деревьевъ,
сомнетъ цвѣты и станетъ ихъ сметать.
Коль хочешь рвать цвѣты, рви ихъ сегодня,—ты завтра можешь опоздать.

Митсуне.

Ты ходишь часто любоваться на цвѣты въ моемъ саду.
А долго-ли цвѣтамъ завять?
Тогда напрасно день за днемъ тебя я буду ждать.

Митсуне.

Когда я съ ней на вѣки разставался, н
небѣ утреннемъ висѣла блѣдная луна.

Съ тѣхъ поръ я непріятнѣй ничего н
знаю, какъ увидѣть рано утромъ блѣдну
луну на блѣдномъ небѣ.

Тадамине (868—965 г.).

Весна пришла; изъ трещинъ ледяной коры запрыгали, играя, въ рѣчкѣ пѣнныя струи: онѣ хотятъ быть первымъ бѣлымъ цвѣтомъ радостной весны.

Мазацуми.

Сравнимо съ дикимъ гусемъ мое сердце... Оно въ тоскѣ тебѣ на встрѣчу рвется, оно въ груди трепещетъ, бьется... Взлетя отъ счастья, никнетъ въ горѣ, какъ дикій гусь въ воздушномъ морѣ.

Фукайобу

Растенья водяныя на рѣкѣ, лишенныя корней, закрѣпы не имѣя, теченьемъ переносятся; такъ и меня, невѣдомо куда, несетъ рѣка моей любви.

Тадамине.

Одежду такого цвѣта, какъ у вишневаго цвѣтка, хочу я заказать.

Когда цвѣты поблекнутъ,—она ихъ будетъ мнѣ напоминать.

Кино Аритомо.

Что это бѣлое вдали? Повсюду, словно облака между холмами.

То вишни расцвѣли; пришла желанная весна.

Тсурайуки (882—946).

Ты думаешь, что слишкомъ рано вишневый цвѣтъ на вѣтрѣ улетаетъ.

Но вѣдь всему на свѣтѣ данъ короткій срокъ.

И развѣ сердце не скорѣй мѣняетъ чувства, чѣмъ штиль мѣняется на вѣтерокъ?

Тсурайуки.

Пришла весна и на деревьяхъ ужъ почки налились.

Но съ неба валитъ снѣгъ, снѣгъ безъ конца.

То небо снѣжные цвѣты намъ посылаетъ, такъ какъ весна своихъ цвѣтовъ еще не создала.

Тсурайуки.

Я сравнилъ мои чувства и смѣлыя мысли мои съ бывшими раньше, когда я тебя не любилъ.

И мнѣ стало такъ ясно, что раньше я мало думалъ и чувствъ настоящихъ не зналъ.

Атсутада (умеръ въ 943 г.).

Я очень тосковалъ все время передъ тѣмъ, какъ свидѣлся я съ милой.

Не думайте, что я теперь вполнѣ спокоенъ и что тоска моя утолена послѣ того, какъ прожили мы съ ней счастливые часы.

О, нѣтъ, теперь неукротимая тоска меня еще сильнѣй, чѣмъ раньше, гложетъ.

Атсутада.

Если бы старость захотѣла навѣстить меня,—я бъ заперъ дверь.

Я крикнулъ бы: нѣтъ дома! И ни за что ее бы не впустилъ.

Неизвѣстный авторъ (изъ собранія Кокиншу, законченнаго въ 905 году).

Кто далъ любви названіе такое?
Не лучше-ль умираніемъ любовь назвать,—одно и тоже вѣдь: любить и умирать.

Неизвѣстный авторъ, изъ собр. Кокиншу.

Отъ слезъ промокли рукава моей одежды,—но всѣмъ я говорю, что ихъ смочилъ весенній дождь.

Неизвѣстный авторъ, изъ собранія Кокиншу.

Я думалъ, что трава забвенія растетъ на грядкахъ... Я теперь узналъ: она цвѣтетъ въ пустыхъ сердцахъ.

Неизвѣстный авторъ, изъ собранія Кокиншу.

Безумно письмена чертить въ водѣ текучей,—но безумья верхъ: любовь безчувственному сердцу отдавать.

Неизвѣстный авторъ, изъ собранія Кокиншу.

Я сталъ какъ тѣнь, въ тоскѣ о милой.
О, если бы я могъ теперь быть тѣнью милой, чтобъ быть всегда у ея ногъ.

Неизвѣстный авторъ, изъ собр. Кокиншу.

Давно окраску измѣнили деревья, травы и цвѣты.

Лишь по цвѣтамъ волшебнымъ моря, по бѣлымъ волнамъ, не узнать, что осень пестрая пришла.

Неизвѣстный авторъ, изъ собр. Кокиншу.

Если бы такъ же быстро множились разлуки ночи, какъ снѣга бѣлаго растетъ покровъ, то я-бъ желалъ, чтобы мнѣ смерть смежила очи не ожидая таянья снѣговъ.

Неизвѣстный авторъ, изъ собр. Кокиншу.

Я знаю — нечего стараться, тебя не встрѣчу. Все же, я поминутно выхожу, найти тебя надѣясь.

Какъ успокоиться, когда я такъ встревоженъ!

Неизвѣстный авторъ, изъ собр. Кокиншу.

Вчера всю ночь не удалось заснуть; я слушалъ, какъ въ горахъ кукушка куковала.

Кукушка! вѣрно, какъ и мнѣ, любовная тоска тебѣ заснуть мѣшала.

Неизвѣстный авторъ, изъ собр. Кокиншу.

Если-бъ мѣняться можно было сердцами,—о, тогда, мой другъ, въ тебя моя влилась бы кровь, и ты узналъ бы, сколько мукъ даетъ несчастная любовь.

———

Неизвѣстный авторъ, изъ собр. Кокиншу.

Я прилагаю все старанье, чтобы скрыть меня волнующія чувства. Но я серьезно измѣнился. Всякій встрѣчный видитъ, что нѣтъ на мнѣ лица, и спрашиваетъ, чѣмъ я боленъ.

Канемори (10-ое столѣтіе).

Всѣ наши громкія дѣла, повѣрьте, не долговѣчнѣе, чѣмъ на рѣкѣ волна.

Жизнь уступаетъ тихой смерти... не остается тѣни сна.

Минамато но Хитоши (умеръ въ 962 г.)

Съ тобою разлученный, я стою, любуясь небомъ звѣзднымъ и луной.

О если-бъ зеркаломъ луна была и отражала образъ твой!

Она луною остается, и надо мной смѣется.

Неизвѣстный авторъ.

Твой образъ изъ души не вырвать мнѣ.

Онъ мнѣ является во снѣ, какъ только я смыкаю вѣжды, и говоритъ: не оставляй надежды!

Оки Касси (10-ое стол.).

Не мнѣ—другому сердце милая даритъ...
Плакучей ивы стволъ стоитъ какъ—разъ на мѣстѣ, гдѣ прошла ограда принадлежащаго мнѣ сада... Стволъ ивы мой, но всей листвой украшенъ садъ сосѣда, а не мой.

Теранге.

Какъ волны въ бурю разбиваются у береговъ скалистыхъ, такъ разбивается вся моя нѣжность о скалу высокомѣрья твоего, холодная владычица моей души.

Сигейюки.

Знаешь-ли, другъ мой, какъ безконечно длинна и печальна ночь отъ заката до яснаго дня?

Знаешь-ли, другъ мой, какъ это горько, вздыхая, лежать, и соломенный матъ слезой обливать?

Знаешь-ли, другъ мой?

Неизвѣстный авторъ (10-ое столѣтiе).

Какъ случилось, что та же безсонная ночь въ твое сердце вселила покой, наполнивъ меня до конца моей жизни сумасшедшей любовью?

Г-жа Ино Бетто (12-ое столѣтіе).

Милый, ко мнѣ наклонись!

Раньше, чѣмъ я умру, дай на тебя поглядѣть, чтобы въ глазахъ и въ душѣ образъ твой унести въ вѣчности темной страну.

Г-жа Ицуми Шукибу (около 1000 г.).

На голыхъ высотахъ Міосинской горы,
среди вѣчнаго снѣга, нашла я слѣды.
Здѣсь звѣздною ночью онъ шелъ пере-
валомъ.... И мысленно я его провожала...

I же Сидзука Гозенъ (12-ое стол.).

Останется-ль онъ вѣренъ мнѣ, не знаю. Я знаю только что, съ тѣхъ поръ, какъ на зарѣ онъ отъ меня ушелъ, разсудокъ мой не меньше пострадалъ, чѣмъ спутанная имъ моя прическа.

Г-жа Горикава (12-ое стол.).

Никто еще не указалъ пути, насъ уводящаго отъ горестей земли.

И даже тамъ, въ надоблачныхъ горахъ, куда всегда я чувствовалъ влеченье, раздастся жалобно въ моихъ ушахъ вечерній крикъ испуганныхъ оленей.

Фудживара но Тошинари (1113—1204)

Какъ бы твоя душа ни очерствѣла, не можешь ты не чувствовать тоски, когда увидишь въ сумерки, какъ съ луга и рѣки къ вечернимъ небесамъ взлетаютъ кулики.

Саигіо (1118—1190).

Какъ дымъ Фузи-ямы, блѣднѣя, по вѣтру летитъ, чтобъ потомъ умереть въ безграничной шири небесъ, такъ и думы мои, безъ цѣли родясь, безъ слѣда улетаютъ путями незримыми въ синій просторъ.

Сангіо.

Чѣмъ объяснить, что до сихъ поръ цвѣты восторгомъ мою душу наполняютъ?

Давно ужъ я отъ свѣта отошелъ, давно меня ничто не забавляетъ, но не могу цвѣтовъ я не любить.

Чѣмъ это объяснить?

Caurio.

Когда-то въ черныхъ волосахъ моихъ сверкали бѣлые, какъ снѣгъ, цвѣты. Они давно ужъ бурей сметены.

Сегодня тоже снѣжными цвѣтами увѣнчанъ я. Ихъ вѣтры не сметутъ.

То старости цвѣты цвѣтутъ.

Кіутсуне (13-го тол!).

Какъ судно, въ бурю потерявши руль, по морю носится, попавъ во власть стихій,—такъ носится моя любовь по морю чувства.

Сонe но Йошитака.

О, гуси дикіе, зачѣмъ на родину спѣшите?

Родные горы васъ забыли, пока вы на чужбинѣ были.

Муненага (1312—1385).

Я поджидаю милую и въ темнотѣ ночной я слышу, какъ часы бьютъ часъ за часомъ.

Какъ несносно утромъ пѣнье пѣтуха и какъ тяжка бываетъ по утрамъ разлука любящихъ сердецъ!

Но какъ легко страданье при такой разлукѣ по сравненію съ моей ужасной мукой, когда унылый я напрасно жду прихода милой.

Изъ оперы Міндера (17-ое стол.).

Чтобы жить съ Тобой, моей милой, я былъ-бы радъ въ бѣдной хатѣ ткать весь день на станкѣ, иль на прялкѣ прясть.

Чтобы жить съ Тобой, моей милой, я стиралъ-бы бѣлье въ холодной рѣкѣ, иль косилъ бы траву на мокромъ лугу.

Народная пѣсня.

У ивы зеленой и тонкой обнажился колеблемый стволъ вчера, когда вѣющій вѣтеръ въ сторону вѣтви отвелъ.

А сегодня, о ива моя, я ноги твои увидалъ, когда Твоимъ кимонò вѣющій вѣтеръ игралъ.

Неизвѣстный авторъ (18-ое стол.).

Какъ мало изъ мечтаній нашихъ осуществляется судьбой. Сперва мечтаемъ мы о цѣпи горъ высокихъ; потомъ довольствуемся и одной горой,—потомъ холмомъ. А если нѣтъ холма, то съ насъ довольно и цвѣточнаго горшка.

Изъ книги Іехонъ Хитосеяма (18-ое стол.).

Когда напьюсь я до пьянà, тогда мнѣ кажется, что скоро придутъ и счастье, и весна... Тогда и голосъ кредитора звучитъ какъ пѣсня соловья.

Неизвѣстный авторъ (19-ое столѣтіе).

Когда одно желанья исполнено судьбой,
сейчасъ еще мечтанья являются гурьбой.

Неизвѣстный авторъ.

Я думалъ, что на встрѣчу мнѣ летитъ цвѣтъ молодой весны.

Я ошибался. То было сіянье твоей блистающей красы.

Орикито (19-ое столѣтіе).